

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

Я стану
тобой

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Компьютерный дизайн обложки:
Чаругина Анастасия

Андреева, Наталья Вячеславовна.

А65 Я стану тобой /Наталья Андреева. —
Москва: Издательство АСТ, 2020. — 384 с. —
(Бестселлеры Натальи Андреевой).

ISBN 978-5-17-119162-7

Опасному преступнику, заключенному в психиатрическую больницу закрытого типа, терять уже нечего. И он может годами ждать удобного случая. Терпеливо готовить побег. И вот он, момент! Разыгравшаяся стихия сначала помогла Владимиру Тычковскому, который сбежал из-под стражи, убив главврача. Замела следы. Но потом она же не дала ему далеко уйти. Спасаясь от метели, Тычковский оказался в странном доме. Его обитатели заперли себя здесь добровольно. По воле случая здесь же оказался и лечащий врач Тычковского Дмитрий Киба, застрявший на шоссе из-за снежных заносов. Семеро отрезанных от мира людей поневоле начинают вспоминать прошлое. Оказывается, у каждого из них есть тайна. Которая может оказаться роковой. И спровоцировать маньяка, который готовит очередное убийство.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Андреева Н.В., 2020
ISBN 978-5-17-119162-7 © ООО «Издательство АСТ», 2020

ДЛЯ ВСЕХ,
КТО ЛЮБИТ КНИГИ,

теперь есть на YouTube авторский канал

**НАТАЛЬИ
АНДРЕЕВОЙ**

ЛИТ/УЧКА

лит учка

- ✓ Смотрите видеоблог,
- ✓ оставляйте свои комментарии,
- ✓ делитесь впечатлениями.

https://vk.com/nat_andreeva

**Посвящаю моему сыну Роману,
автору идеи этой книги**

Процесс терапии начинается с того, что врач пытается побудить пациента к сотрудничеству, то есть сформировать с ним терапевтический альянс. В определенном смысле терапевт и клиент являются собой «команду»... Вместе они пытаются определить, что и как думает пациент, на чем основаны его мысли, какие выводы он извлекает и что теряет в результате своего мышления. Уникальный вклад пациента заключается в том, что он предоставляет исходные данные для исследования, а именно — сообщает терапевту о своих мыслях, чувствах и желаниях...

Психотерапия: новейший справочник
практического психолога

Конец марта

Двое в белых халатах приникли к монитору. На экране они видели больничную палату, а точнее, полностью изолированный бокс, где находился лишь один, но такой важный для них пациент. Стены старого, еще дореволюционной постройки здания, пере-

жившего свое второе рождение после капитального ремонта, были толстенные, плохо пропускающие звук, узкие окна забраны решетками. Вот уже не один десяток лет здесь находилась психиатрическая больница, а раньше был купеческий особняк.

Его первый хозяин, и заказавший архитектору этот проект, прослыл человеком удачливым в делах, везло ему просто фантастически. В итоге он стал владельцем огромного состояния, миллионером, но был с большими странностями. А под конец жизни и вовсе выжил из ума, отгрохав себе, по сути, крепость вдали от города, от людей, с окнами, похожими на бойницы, словно в ожидании длительной осады. Сумасшедший миллионер бродил по огромному дому, повсюду зажигая свет, и искал подосланных сыновьями убийц. Наследники же избегали здесь появляться, особняк отца внушал им ужас и представлялся мрачной тюрьмой, где была добровольно заперта его страдающая душа. Предназначение свершилось: теперь эти стены стали тюрьмой для десятков людей, страдающих психическими расстройствами.

Этого пациента держали отдельно от других, и за ним велось круглосуточное наблюдение. Один из мужчин, замерших у монитора, был только что назначен главным врачом психиатрической больницы, другой был заведующим отделением.

Пациент, на которого они смотрели, не отрываясь, словно что-то почувствовал. Он был мужчиной средних лет, высокий, тем-

новопосы и, что называется, видный, но с таким усталым, измученным лицом, что невольно вызывал жалость. Пациент внезапно перестал ходить по комнате, лег на кровать, подтянув колени к груди, скрючившись, закрыл глаза и замер. Прошло минут пять, наблюдатели терпеливо ждали. Мужчина не двигался и не открывал глаз. Время тянулось медленно. Еще несколько минут гнетущей тишины — и все то же. Лежащий на кровати мужчина не подавал признаков жизни.

Тот, что постарше, новоиспеченный главврач, разочарованно вздохнул и повернулся к своему более молодому коллеге:

— Что скажешь, Миша?

— Состояние стабильное. Не буйнит, не требует адвоката. Послушно принимает все назначенные лекарства. Хотя с медикаментозной терапией надо завязывать, иначе мы его потеряем.

— А есть шанс?

— Шанс всегда есть.

— Так работать надо!

— А мы работаем, — пожал плечами Миша. — Делаем все, что можем, но случай сложный. Он ведь необычный пациент, сами знаете. Прекрасно знаком с нашими методами работы, все наши ходы просчитывает, смотрит мне в глаза и будто насквозь видит. Иногда мне даже кажется, что он только прикидывается сумасшедшим.

— А по-хорошему пробовали? Уговорить его сотрудничать, вступить в контакт. По-человечески.

— Он не идет на контакт. Замкнулся в себе. Да вы и сами все видите, — зав. отделения кивнул на монитор. Мужчина все также, скрючившись, лежал на кровати, не подавая признаков жизни.

— На меня давят, — пожаловался вдруг главврач. — Давит мое непосредственное начальство, давит прокурор, давит мэр. Город взбудоражен. А что я могу? Вся ответственность лежит на мне, а я главврач-то без году неделя! Никакого опыта. И с ним, — он посмотрел в монитор, — раньше никогда не работал. Меня сюда перевели, не спрашивая, хочу, не хочу. Если бы можно было вскрыть его череп и вытащить оттуда необходимую нам информацию, я бы и на это пошел.

— Зачем вы так? Он же человек.

— Был когда-то человек. А сейчас... Псих он. Просто псих.

— Вам не кажется, что это непрофессионально?

— Учить меня будешь, пацан?

— Мы с вами на брудершафт не пили. — Миша весь подобрался, готовый дать новому начальнику отпор. Иначе так и пойдет. Разок дашь слабинку и навсегда останешься мальчиком для битья. — Я тоже могу переводом. В обычную больницу, в отделение психоневрологии. Мне уже предлагали. Хороших врачей в городе мало, а уж психиатров по пальцам пересчитать. И тогда сами с ним валандайтесь.

— Ладно, извини. Те.

— Бывает... Не надо так нервничать. Случай сложный, но и обстоятельства соответствующие... — Миша сделал паузу и вдруг очень тихо, почти шепотом сказал: — Те, кто там были, говорят, что теперь они знают, как выглядит ад.

— Можно без пафоса, — поморщился главврач.

— Четыре трупа... Один в таком виде, что... — Миша судорожно сглотнул. — В доме, занесенном снегом... Говорят, она такая алая, кровь, когда на белом, только что выпавшем снегу... Я никогда не видел... На снегу...

— Я же сказал: без пафоса! — повысил голос его начальник. — Черт знает что! От этого и впрямь свихнуться можно! А нам работать надо! Работать! Городок маленький, тихий, а тут такое ЧП! Население взбудоражено, все требуют ответа: что там произошло, в том загадочном доме? Как мы такое допустили? Нас могут закрыть, понимаешь? Разогнать к чертовой матери. А что тут скажешь? Заслужили! Активисты готовят митинг протеста у здания Горкома.

— Так Горкома-то теперь нет! — хитро прищурился Миша, которому уже не довелось побыть комсомольцем.

— Ну, как его там? Здание городской администрации! Мы должны рассказать людям, что там на самом деле случилось. Успокоить их. Объяснить. Откуда трупы, кто убил, за что. А ключ у него в голове, — главврач кивнул на монитор. — И как его раскодировать, это послание? А?

— Лечить, — коротко ответил коллега.

— А время-то идет! А он лежит себе, молчит. Может, как-нибудь иначе? По-другому?

— Пробовали иначе. Перевели в обычную палату. Думали, среди людей он хоть что-нибудь вспомнит. Оказавшись в более привычной ему обстановке. В первый же день, идя на сеанс групповой психотерапии, которые мы с недавних пор практикуем в качестве, так сказать, эксперимента, больной попытался разбить окно. Бросился на решетку с разбега. Еле успели перехватить. Похоже, пытался добыть осколок стекла, чтобы вскрыть себе вены. А с головой у него и так не в порядке. Ударился он сильно. В общем, усугубил.

— Попытка самоубийства? Раньше за ним такого вроде не замечалось. А?

— Раньше за ним много чего не замечалось. Теперь он под круглосуточным наблюдением в спецпалате без окон, со стенами, о которые невозможно разбить голову, один, ведет себя спокойно. Но персонал требует особых мер безопасности. Они боятся.

— Чего?

— Он же маньяк, — усмехнулся зав. отделения. — Единственная фраза, которую он без конца повторяет: «Я Тычковский». А то лежит и молчит, вот как сейчас.

— А остальные? — всем корпусом повернулся к нему главврач. — Те люди, которые почти двое суток провели вместе с ним в том ужасном месте? Тьфу! Сам заговорил,

как какой-нибудь репортеришка! «Кровавый маньяк», «ужасное место», «гора трупов», — передразнил он. — Они как? Может, с ними поработать?

— Еще хуже. Все говорят одно и то же: я убил. Или убила. В один голос. Следовательно руками разводит. Обычно все отпираются. Все кричат: Я не убивал! Только не я! Валят друг на друга. А у нас все убийцы, и ни одного свидетеля. Они все могли это сделать, понимаете? Таковы выводы предварительного следствия. Любой мог стать убийцей в том аду.

В этот момент мужчина, лежащий, скрючившись, на кровати, внезапно открыл глаза. Потом резко сел и посмотрел прямо в глазок видеокамеры, находящейся под самым потолком.

— Миша, ты видишь? — встрепенулся главврач. — Что это значит?

— Похоже, он готов вступить в контакт.

— Кто пойдет?

— Давайте я — вызвался Миша.

— Поаккуратнее с ним, слышишь?

— Это в каком смысле?

— Во всех. Я скажу санитарам: пусть будут наготове. Пойдешь один, чтобы его не спугнуть, а мы будем тебя страховать. Лишь бы он заговорил. Этот миф надо развеять. Миф о кровавом маньяке, серийном убийце, психопате. Город должен знать, что ситуация полностью под контролем.

— Понял. Пошел.

